

## ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В БЕЛОРУССИИ ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

В. В. АНИЧЕНКО

Особенности языковой ситуации на территории современной Белоруссии начиная с XIV в. были обусловлены включением западнодревнерусских княжеств в состав Великого княжества Литовского. После этого создаются предпосылки для дальнейшего развития белорусского языка, формирования белорусской народности, развития древнебелорусского литературного языка, а также для усиления белорусско-литовских культурных связей. Белорусский язык в эту эпоху существует в двух своих разновидностях — как народно-разговорная речь и как письменно-литературный язык. Особенности белорусских говоров стабилизировались, по Е. Ф. Карскому, не позднее XIII в. [Карский, 1904, с. 105], а письменно-литературный древнебелорусский язык сформировался несколько позднее — в XIV в. Далее в статье термином „белорусский язык“ мы называем прежде всего его письменно-литературную разновидность.

Древнерусская традиция была достаточно сильна в старобелорусских письменных памятниках XIV в. Речь идет о языке таких ранних белорусских грамот, как „Вкладная грамота княгини Юлиании церкви в Озеричех“ (около 1377 г.), в тексте которой содержится 50 словоформ, среди которых только 6 можно признать местными разновидностями на фоне древнерусской языковой основы: *grošiti*, *xto*, *toe*, *цркъв*, *закладывати*, *оуоставила есми* вместо *денегъ*, *къто то*, *цркъв*, *закладывати*, *оуоставила есмь*.

По мере дальнейшего развития старобелорусского литературного языка древнерусская языковая основа постепенно трансформировалась, уступая место местным, типично белорусским чертам на разных уровнях. Этот процесс наиболее интенсивно проявился на протяжении XV—XVI вв., когда старобелорусская письменность по своим орфографическим, грамматическим и лексическим нормам стала заметно отличаться от древнерусской письменности. Создание в пределах Белоруссии старобелорусского литературного языка было не единственным языковым явлением в Великом княжестве Литовском. Достаточно развитая восточнославянская культура на белорусских землях и большей части украинских, входивших в состав Великого княжества Литовского, имела там влиятельное значение в воздействии на другие этнические культуры этого государства, которое, по словам

Е. Ф. Карского, „только в незначительной своей северо-западной части было литовским, во всех же остальных областях оно стало чисто русским” [Карский, 1904, с. 113].

В результате культурных связей белорусского и литовского народов в период их совместной жизни и деятельности благотворным оказалось влияние белорусского литературного языка на литовский, носители которого предпочитали употребление его в разных сферах и жанрово-стилевых разновидностях: в общественно-политической жизни, в межэтнических и межгосударственных сношениях, в делопроизводстве, литературно-художественных произведениях, религиозно-полемической, научной литературе и вообще в языке „всего литовского населения, как православного, так и католического” [Архангельский, 1888, с. 3].

Белорусско-литовским языковым связям благоприятствовали территориальные контакты, а также контакты в области культурных и политико-административных отношений. Широкие и тесные сношения белорусов с литовцами, особенно на пограничной территории, содействовали проникновению белорусских простонародных языковых элементов в латинские тексты, возникавшие в Великом княжестве Литовском. Такое явление нашло свое отражение, напр., в пожаловании первого виленского епископа Андрея Василлы. Уже в XIV–XV вв. литовцы изготовляли монеты с так называемыми „русскими” надписями.

Большее значение для развития белорусско-литовских языковых связей имело и влияние литовского языка на белорусский. Здесь следует упомянуть прежде всего старобелорусскую деловую письменность, созданную на этнографической литовской территории. Известно, что такие тексты нередко возникали под пером литовских писцов, не всегда достаточно владевших белорусским языком. Это, вероятно, послужило причиной того, что в них проникали лексемы литовского происхождения, среди которых были лексические литуанизмы [дошлица ‘плотник, строитель’ [Яблонский, 1941, с. 67, № 1450]; роцьць болотистое место, поросшее мохом, травой и кустарником’ (там же, с. 206, № 1501); кумль ‘окорок’ (там же, с. 109, № 1503); витина ‘плоскородонное судно’ (там же, с. 264, № 1538) и семантические (кола ‘собраніе крестьян для принятия важных постановлений или судебного разбирательства’ [Лаучюте, 1982, с. 88]; рбзь ‘полоса, надел земли, нива’ там же, с. 72; подробнее см.: [Дайлиденас, 1987])].

Крупнейшим достижением влияния белорусской культуры на литовскую было признание белорусского языка в качестве общегосударственного в Великом княжестве Литовском еще в XIV в. [LTE, p. 614]. Тот факт был узаконен Литовским статутом 1566 г., в одном из разделов которого сказано: „А писарь земьский маеть поруску литерами и повы вси листы выписы и позвы писати а не иншимъ езыкомъ и словы”. белорусско-литовские контакты не ограничивались деловой письменностью, они продолжали свое развитие в летописной литературе и книго-

печатании. Свидетельством этого было совместное создание Литовского статута трех редакций (1529, 1566, 1588) – свода законов с отражением правовых интересов господствующего класса, Метрики Великого княжества Литовского – централизованного архива великокняжеской канцелярии. О том же свидетельствуют белорусско-литовские летописи – жанрово-стилевая разновидность, посвященная общей политической истории белорусов и литовцев в период их нахождения в одном государственном объединении, а также книгоиздательская деятельность Скорины в Вильнюсе. Белорусские летописи использовались и как один из источников старорусской летописной литературы.

Языковые особенности памятников, созданных на территории современной Белоруссии во времена Великого княжества Литовского, определялись целым рядом причин. С одной стороны, они были следствием влияния книжной традиции, а с другой – следствием тенденции к демократизации письменности, проявлявшейся в сближении языка памятников с народно-разговорной речью. Важную роль в этом отношении сыграли авторы (писцы), принадлежавшие к разным социальным группам. Зависело это и от типов литературного языка. Приведем два показательных примера. Народно-литературный тип наиболее полно представляла белорусская деловая письменность с разными по объему и содержанию юридическими документами, многие из которых возникали приблизительно в одно и то же время, но различались определенными особенностями языка.

Общезвестно, что в составлении Литовского статута 1588 г. приняла участие специальная сеймовая комиссия под наблюдением канцлера Льва Сапегы, в состав которой входили представители привилегированных социальных групп, стремившиеся по мере возможности сохранять традиционные литературно-письменные формы и не отражать в тексте местные языковые особенности. Приведем отрывок из этого памятника:

„Уставуемъ, хто бы кому соколье гнездо сказиль, або подрубаль або умыслне соколы под гнездомъ поткнуль або з гнезда соколы молодые побраль а то будеть на него водле права слухне переведено, тогда тому в чые пушы тое гнездо скажено маеть заплатити шесть рублей, тым же обычаемъ кгды бы хто з лебединого гнезда юнца побраль або гнездо розметаль, тогда за лебединое гнездо хто сказиль маеть заплатити три рубли грошей а хто бы перевесь кому другому порубаль або сеть перевесную скраль маеть заплатити шесть рублей грошей а за сеть копу грошей заплатити“ (с. 219–220)<sup>1</sup>.

Приведенного отрывка достаточно, чтобы убедиться, что форма и стиль изложения Литовского статута находились в прямой зависимости от Русской Правды, свода феодального права древнерусского государства XI в.

<sup>1</sup>Здесь и ниже отрывки из старобелорусских памятников, за исключением Книги витебского земского суда, приводятся по кн.: Хрестаматыя на гісторыі беларускай мовы. Ч. 1. Мн., 1961.

В основном отношении несомненно отличается Книга витебского земского суда (1533–1540), созданная на полстолетие раньше, чем Литовский статут 1588 г. Автор этой книги, надо полагать, был недостаточно грамотным писцом, поэтому он не строго следовал традиционному стилю изложения, отдавая предпочтение формам народной белорусской речи. В этом поможет убедиться следующий краткий отрывок из этого памятника: „быль есми у вильни з мещанином витебским з деміаном кузминым кропивничем а такъ онъ будучи тымъ в корчме у вилни не маючы до мене никоторо (го) дела безвильне міа збилъ, и скрывавиль перьво міа по виденью билъ а потом за потылицу міа рвал поколіа хотель и кгды міа по виденью бил іа ему хотель то стерпети іако старшому нижли хотель есми тотъ жаль и боль свои оповедити деміану кузмицу с которым есми до вильни ездилъ а онъ в тотъ часъ пьіанъ спалъ и не мог есми его обудити и лебедъ за сіа почаль міа соромотити мовіачи мужику еше ты хочешъ на мене жаловати за того іа тебе опіать буду бити а іа дей почаль мовити пане лебедю не би ты мене больше того а будешъ ли міа через то бити на пана его м (ило) сти воеводу нашего витебського заплатишь сто копъ грошей” [Рукопись ЦГАДА, л. 73].

Многие старобелорусские литературно-художественные памятники в известной мере отражают диалогическую речь, насыщенную многочисленными белорусскими языковыми особенностями. Достаточно сослаться здесь на отрывок из рыцарской Повести о Тристане (конец XVI в.), переведенной с сербского языка на белорусский: „кгды королевая прышла на оныи гук и видѣла сына своего мертва, пала на землю и сомлѣла, и коли прышла къ памети и мовила онои дѣвцѣ: Што -мъ тобѣ злого вчынила ижес ми сына вморыла? И девка отказала: я его не морыла, але уморыль его тот, которым трутизну тую поставил. Дѣвку иняли и привели перед короля. А король былъ велми смутенъ и рекъ дѣвцѣ: Ты-сь виньна. Она мовила: Тотъ винень, хто тую трутизну нарадилъ. Рек король: Пустите ее, она тов трутизны не радила, лечь хто злыи ненавидечы того дитяты то удѣлалъ. А Говорнаръ, которыи был велми мудръ, рекъ: Пане, рач вѣдати, тая трутизна направлена тобѣ або твоему сыну, тепер будь опатрен а умби ся стечечы” (с. 174).

Неоспоримое значение для развития старобелорусского литературного языка имело возникновение с XV в. в Белоруссии конфессиональной литературы в защиту православия, в которой содержались и элементы критики устоев феодализма. Такая тенденция должна была тогда принимать религиозную оболочку, направляться в первую очередь против церкви.

В пределах Белоруссии существовали разные виды конфессиональной литературы: канонические (библии, евангелие) и неканонические (псалтырь, катехизис). Степень демократизации книжно-славянского типа зависела не только от содержания и источников возникновения таких текстов, но и от образованности книжников и их социальной

среды. Наиболее заметный вклад в разрушение книжно-славянской традиции и насыщение библейских произведений белорусской языковой стихией внес Франциск Скорина. Достаточно вспомнить его слова в предисловии в книге „Юдифь“ относительно любви к своей родине, своему народу, чтобы убедиться в степени насыщенности и обогащения оригинального текста элементами живой народно-разговорной речи: „Понеже от прирожения Звери ходящие в пустыни знают ямы своя. Птици летающие по воздуху ведают гнезда своя. Пчелы и тымъ подобныя бороняты ульевъ своихъ Також и люди игде зродилися и ускармлины суть к тому месту великую ласку имають“.

В XVI в. продолжается демократизация книжно-славянского языка. Книгоиздательская деятельность Скорины в Праге и Вильнюсе была продолжена его последователями Сымоном Будным и Василием Талинским: первый издал в Несвиже Катехизис (1562), а второй перевел Евангелие с книжно-славянского языка на белорусский (около 1580). Это была новая страница в сближении конфессиональной литературы с живой народной речью.

Для развития белорусского языка определенное значение имели культурные связи Белоруссии и Литвы с соседними польскими землями. Присоединение Великого княжества Литовского к Речи Посполитой после Люблинской унии 1569 г. содействовало и росту влияния польского языка на старобелорусский, который начал постепенно вытесняться из сферы канцелярского употребления. Со второй половины XVI в. сфера употребления старобелорусского языка заметно сужается. Однако не исключено, что старобелорусская письменная традиция оказала влияние на польскую, результатом чего было, видимо, возникновение польских хроник XV–XVI вв.

Неблагоприятное влияние на развитие старобелорусского языка оказали тогда и те деятели, которые свои произведения насыщали полонизмами. Это особенно наглядно видно по „Дневнику“ новогрудского адвоката Евлашовского (1564–1604), писавшего по-старобелорусски. В этом помогает убедиться, напр., следующий отрывок из его „Дневника“: „Самому пану Богу мому зо всякихъ добродѣйствъ его насветшое милости нехъ зостава вечно честь и хвала, за которого презренемъ и я, Федор Евлашевский, уродилемсе отъ выше помененыхъ родичовъ моихъ въ Ляховичахъ въ року отъ нароженя сына Божого 1564, мѣсяца февраля 7 дня, въ неделю, ночи пришлое, около полночи, а дано ми име ведля свята руского, которое было на онъ часъ въ поне-дѣлокъ мѣсяца февраля 8 дня, а у римляновъ положено есть мѣсяца марта 2 дня — Теодора, гетмана отъ Лициниуша змучоного. Я яко мелемъ ведомостъ отъ родичовъ, же въ рокъ по уроженю моему, промовляемъ до отца моего „абба“, зъ чого се они урадовали...“ (с. 281)<sup>2</sup>.

Постановлением Варшавского сейма 1696 г. запрещалось употреб-

<sup>2</sup>Подробнее о полонизмах в этом памятнике см.: С в я ж ы н с к і У. М. Лекцічныя элементы польскага паходжання у „Дзёніку“ Ф. Еўлашоўскага // Беларуская лінгвістыка. Мн., 1975. В. 7. С. 46–50.

ление старобелорусского языка в деловой письменности. С ослаблением позиций старобелорусского языка в остальных сферах и жанрах его функции начинают выполнять польский, латинский, книжно-славянский и русский языки. Сферы их употребления зависели от ряда различных причин.

Наиболее популярным в Белоруссии был польский язык, который выполнял функции не только государственного языка, но и употреблялся в художественной и научной литературе, а также был средством общения между отдельными социальными группами и языком богослужения. Латинский язык преобладал на западной территории Белоруссии, где им пользовались в научных целях только в письменной форме представители господствующих классов католического вероисповедания. Сфера употребления книжно-славянского языка ограничивалась главным образом конфессиональной литературой и богослужением. Влияние русского языка вначале ограничивалось восточными белорусскими землями, а затем он стал языком администрации и средством общения имущих классов русского населения.

В таких своеобразных государственно-политических и культурных условиях белорусский язык продолжал свое развитие и функционирование главным образом в устной форме. В письменной форме ведущим жанром на белорусском языке стали фольклорные произведения; стихотворные и песенные тексты бытовали преимущественно как произведения устной литературы. Белорусский язык проникал также в комедийные тексты, в которых отражались региональные особенности произношения представителей разных социальных групп. В православных школах ставились драмы—комедии на разные темы (школьная комедия середины XVIII в.), написанные на народном белорусском языке, или тексты, где действующие лица говорили по-польски и по-белоруски (комедия, созданная преподавателем Забельской гимназии К. Морашевским в 1787 г.), причем белорусская часть представляет образец народно-разговорной речи крестьянина и корчмаря-еврея.

Своеобразием языкового развития в Белоруссии в период Речи Посполитой было то, что с XVII в. памятники старобелорусской письменности писались не только кириллической азбукой, но и латинской в ее польской модификации, благодаря чему в белорусском литературном языке более последовательно и систематически утверждался фонетический принцип письма.

На языковую ситуацию в Белоруссии донационального периода оказало влияние возникновение письменности у так называемых литовских татар, поселившихся на землях Великого княжества Литовского в XIV—XV вв. Находясь длительное время в иноязычном окружении, они забыли свой родной язык. Белорусский стал для них не только средством разговорного общения, но и письменным языком, на котором создавалась мусульманская конфессиональная, а также светская литература, написанная арабским письмом. В языке этих текстов нашли свое отражение региональные особенности белорусских

народных говоров, представляющих разные диалектные массивы [Антонович, 1968].

Таким образом, своеобразие истории языковой ситуации на белорусских землях в донациональный период было следствием включения значительной части древнерусских княжеств сначала в состав Великого княжества Литовского, затем — Речи Посполитой, а также особенностями этнических и социальных отношений и культурных связей в этих государственных объединениях. Новая страница этой истории началась после воссоединения белорусских земель с Россией в результате трех разделов Речи Посполитой, которое содействовало развитию культурных и языковых связей двух братских народов на качественно новом уровне.

## DI SPRACHSITUATION IN BELORUSSLAND IN DER ZEIT DES GROSSFÜRSTENTUMS LITAUEN UND DER RZECZPOSPOLITA

V. V. ANITSCHENKO

### Zusammenfassung

Der komplizierte Charakter der sprachlosen Situation der belorussischen Länder in der vornationalen Zeitperiode ist das Ergebnis der Zerspaltung des alten russischen Reiches. Nach dieser Zerspaltung wurden belorussische Länder und der größte Teil der Ukraine zuerst an das Grossfürstentum Litauen und später an die Rzeczpospolita angeschlossen, was die Entstehung gegenseitiger Kulturkontakten von unterschiedlichen Völkern bedingte.

### ЛИТЕРАТУРА

Антонович, 1968 — Антонович А. К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968.

Архангельский, 1888 — Архангельский А. С. Очерки из истории западно-русской литературы XVI—XVII вв. М., 1888.

Дейлиденас, 1987 — Дайлидзюнас Р. И. Лаксичная адаптацыя старабеларускіх літуанізмаў // Беларуская мова. Мінск, 1987. В. 15.

Карский, 1904 — Карский Е. Ф. Белорусы. Вильна, 1904. Т. 1.

Лаучюте, 1982 — Лаучюте Ю. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.

Рукопись ЦГАДА — Рукопись Центрального государственного архива древних актов. М. Ф. 289. КМ. 240.

Яблонскис, 1941 — Jablonskis K. Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinų kalboje. I dalis: Tekstai. K., 1941.

LTE — Lietuviškoji tarybinė enciklopedija. V., 1976. T. 1.

Гомельский государственный университет

Кафедра белорусского языка

Январь 1987